

Е.А. САМОДЕЛОВА
(Москва)

НОВЫЙ УЧЕБНЫЙ КОМПЛЕКС ПО ФОЛЬКЛОРУ

Рецензия на: Зуева Т.В., Кирдан Б.П. Русский фольклор: Учебник для высших учебных заведений. — 400 с.; Хрестоматия. — 480 с.; Хрестоматия исследований. — 216 с.; Программа. — 40 с. — М.: Флинта, Наука, 1998. Тираж 3000 и 1000 (Программа) экз.

Авторы учебного комплекса-комплекта — доктора филологических наук, исследователи, написавшие ценные монографии о русской волшебной сказке и сказках А.С. Пушкина, об украинских думах и о собирателях народной поэзии; профессора, два десятилетия преподающие фольклор в Московском педагогическом государственном университете, постоянные руководители полевых экспедиций в Костромскую и Московскую области.

В памяти студентов и выпускников-учителей живо воспоминание о том, как Т.В. Зуева не побоялась зарослей крапивы, чтобы внимательно рассмотреть и зафиксировать символический орнамент пропильных наличников с образами русалок, и затем увлеченно вела беседу с местными старожилками о быличках и заговорах — еще в те времена, когда существование и активное бытование этих жанров замалчивалось. В своих научных размышлениях Т.В. Зуева готова с энтузиазмом пробираться сквозь невообразимую толщу разновременных наслоений к мифологическим истокам фольклора и, как неомифолог, развивать «солярную» (солнечную) теорию применительно к давнему предмету своей любви — к волшебной сказке. Углубленные экскурсии в историю фольклорных жанров доходили порой до археологического уровня и обнажали пласты древнейших верований первобытного общества и мифического мировоззрения наших предков-славян. Увлекательные примеры-тексты, которыми Т.В. Зуева на лекциях иллюстрировала сложные теоретические положения, ныне включены в учебник и выделены в нем академической гарнитурой.

Б.П. Кирдан — ученый академического склада. Его лекционный курс запоминается почтительным отношением к фольклористам-предшественникам, о которых повествуется как о научных подвижниках, талантливых и самоотверженных первооткрывателях и, одновременно, как о хороших знакомцах. В рассказах фронтовика, начавшего постигать фольклористику с записей устного народного творчества от участников боевых действий в минуты затишья у самой передовой, взволнованно и очень лично звучит тема фоль-

клора Великой Отечественной войны. Фронтовые, партизанские, невольничьи песни, записанные Б.П. Кирданом в России и соседних славянских странах на магнитофон по горячим следам событий в конце 1940 — начале 1950-х годов, доносятся до аудитории живым голосом истории, и они увековечены в соответствующих разделах учебного комплекта.

Учебник Т.В. Зуевой и Б.П. Кирдана обращает на себя внимание стадийным подразделением фольклора на раннетрадиционный (первобытная словесная архаика), классический (многовековое художественное творчество периода феодализма) и позднетрадиционный (поэзия промышленной эпохи). Во введении «От авторов» утверждается изучение фольклора по жанрам с использованием исторического метода и системного подхода.

Рассмотрение каждого жанра происходит по специально не оговоренной, но успешно применяемой схеме: фольклористическое название и определение жанра; время введения в научный оборот термина и установление его автора; народные вариативные обозначения; география распространения и территориальные аналоги — региональные типы; первые записи и публикации произведений; хронология происхождения, бытования и видоизменения жанра; генетические истоки из мифов, обрядов, более ранних жанровых образований и их синтеза; родство с другими фольклорными и литературными жанрами (сюжетные и символические параллели) и основной закон жанра; художественная структура (сюжетность, композиция) и поэтика (наличие орнаментальной формульности, специфических стилистических фигур и тропов и их характерное соотношение); жанровые разновидности, цикличность, тематическое подразделение, организация по персонажам; этнографический контекст и особенности исполнительской манеры (хронологическая и топографическая приуроченность, ритмико-мелодическая основа, одиночное или хоровое исполнение, музыкальный аккомпанемент, хореографическое сопровождение, драматургическая атрибутика). Оглавление учебника и хрестоматии текстов также подчинено жанровому принципу, который желательнее было бы усилить частными «спрятанными» рубриками: былички, бывальщины, вертеп, заклички, невольничьи и тюремные песни, мифологические рассказы о хозяевах недр и т.д. — всего до трех десятков жанров (кстати, более наглядно и оправданно-дробно представленных в рубрикации хрестоматии).

Достоинства учебного комплекта заключаются в оригинальности авторской концепции и одновременно в сохранении преемственности разработанного в XX в. курса устного народного творчества («Русский фольклор» (1941) Ю.М. Соколова цитируется в исследовательских трудах; остальные учебники выдержали несколько изданий как особо полезные

студентам). В учебнике появились монографические главы и параграфы о духовных стихах, заговорах, быличках и бывальщинах, страшилках. Исключение из программы темы фольклоризма писателей также оправданно: почему, собственно, междисциплинарный анализ должен проводиться именно фольклористами, а не литературоведами? Книги снабжены справочным аппаратом — словарем научных и народных терминов, иллюстрациями (фотографии теоретиков, собирателей, информантов, а также лубка, вышивки, декораций театра), словарем устаревших и диалектных слов. Теоретические постулаты в учебнике проиллюстрированы и дополнены фрагментами из летописей, царских указов, художественных и публицистических произведений, научных классических трудов. В хрестоматию, помимо собственно текстов, включены фольклорно-этнографические зарисовки А.В. Гиляровского, Ф.И. Шалапина, Е.П. Иванова и литературные пересказы Л.Н. Толстого, П.И. Мельникова-Печерского. Хрестоматия ориентирована на региональную традицию: половина корпуса текстов отведена экспедиционным фиксациям преподавателей и студентов МПГУ в 1982—1989 гг. в Костромской обл. и представлена календарной и семейной обрядностью, сказками и несказочной прозой, заговорами и необрядовыми песнями. Впервые обнаруженные записи отвечают современным текстологическим и эдиционным принципам: фольклорные произведения частично или полностью паспортизованы, даны в этнографическом контексте, с соблюдением главных диалектных произносительных особенностей; ритмически и мелодически организованные тексты даны в стихотворном виде (например, тексты заговоров разбиты на стихи, чего прежде не было даже в наиболее репрезентативных изданиях).

В учебнике и хрестоматии обнаруживаются ценные научные находки. Например, «Илия» — разновидность подблюдных песен с соответствующим рефреном-призывом и упоминанием Ильи-пророка, ставшего христианским «заместителем» языческого небесного бога-громовника: «Ходит Илья по полю, считает Илья суслончики». Песни «Илии» географически прикреплены к Костромской губ. и, очевидно, к окрестным землям — в противовес святочным песням центральных губерний с припевами «Слава!» и «Ладо!», посвященными древнему божеству любви и брака. Любой текст «Илии» открывается запевом, относящим реальное календарное и суточное время исполнения и сам песенный жанр к началу мироздания, к акту первотворения, когда особенно ощутима актуальность процесса гадания и предвещения:

*Как сегодня у нас страшные вечера, Илия!
Страшные вечера да васильевские, Илия!
Поют песни первоначальные, Илия!
(Хрест.— С. 12. Учеб.— С. 64)*

Именно цикл подблюдных песен «Илия» к концу XX века сохранил общую обрядовую композицию, известную еще по первопечатным песенникам XVIII в. и позже разрушенную: оформление гадательного ритуала песней «Уж я золото хороню» (позднее переоформившейся в самостоятельную игру «Колечко»), далее исполнение «Славы хлебу» и затем пение индивидуального предсказания каждой участнице гаданий с выниманием из блюда ее ювелирного украшения.

Из других находок хочется отметить наличие «черного» (предназначенного для гостей) и «красного» (во главе с молодыми) столов на свадьбе и «обсиживание» привезенной из другой деревни молодой в Костромской губ. (Хрест.— С. 85, 100).

Интересно происхождение частушечного запева «С неба звездочка упала», связанного с плясовыми песнями и восходящего к традиционной свадебной лирике, в которой образ упавшей звездочки символизировал отлучение невесты от ее рода (Учеб.— С. 366).

В генетическом отношении любопытна «голосянка» (Учеб.— С. 366), представляющая собой детское соревнование в вытягивании на одном дыхании гласного звука в конце стиха, с наказанием проигравшего — дерганьем за волосы (откуда пошло другое название — «волосянка»). Исследователь А.Б. Страхов в монографии «Культ хлеба у восточных славян: Опыт этнологического исследования» (Slavistische Beiträge. Band 275. München, 1991. — S.150., Fußn.49) объясняет стимуляцию роста культурных растений гипертрофированно интонированными концовками (напр., полесскими «туканьями») и представлением: Бог тянет рожь за колосья — за «волоса земли». Исторические корни игры «волосянку/голосянку тянуть» уходят также в жеребьевку перед жертвоприношением, что в смягченном виде запечатлено в сюжете сказки «Звери в яме», где проигравшего съедают его собратья.

Понятия добра и зла порождены христианством, а сказки возникли раньше — в период разложения первобытно-общинного строя и упадка мифологического мировоззрения, поэтому конфликт зачастую носит не нравственный, а соревновательный характер и иногда оканчивается поражением главного героя и его гибелью — в наказание за нарушение табу или запрета: убежавшего от бабушки с дедушкой Колобка съедает Лиса; прыгнувшая через костер Снегурочка растаяла; посмеявшая прясть шерсть и варить мясо из медвежьей лапы старуха съедена медведем на липовой ноге и т.д.

Курс фольклора, предложенный Т.В. Зуевой и Б.П. Кирданом, показывает всю диалектическую сложность и амбивалентность художественно-обрядовых явлений и взывает к пытливой любознательности и творческой мысли читателя-исследователя.